

П 9126

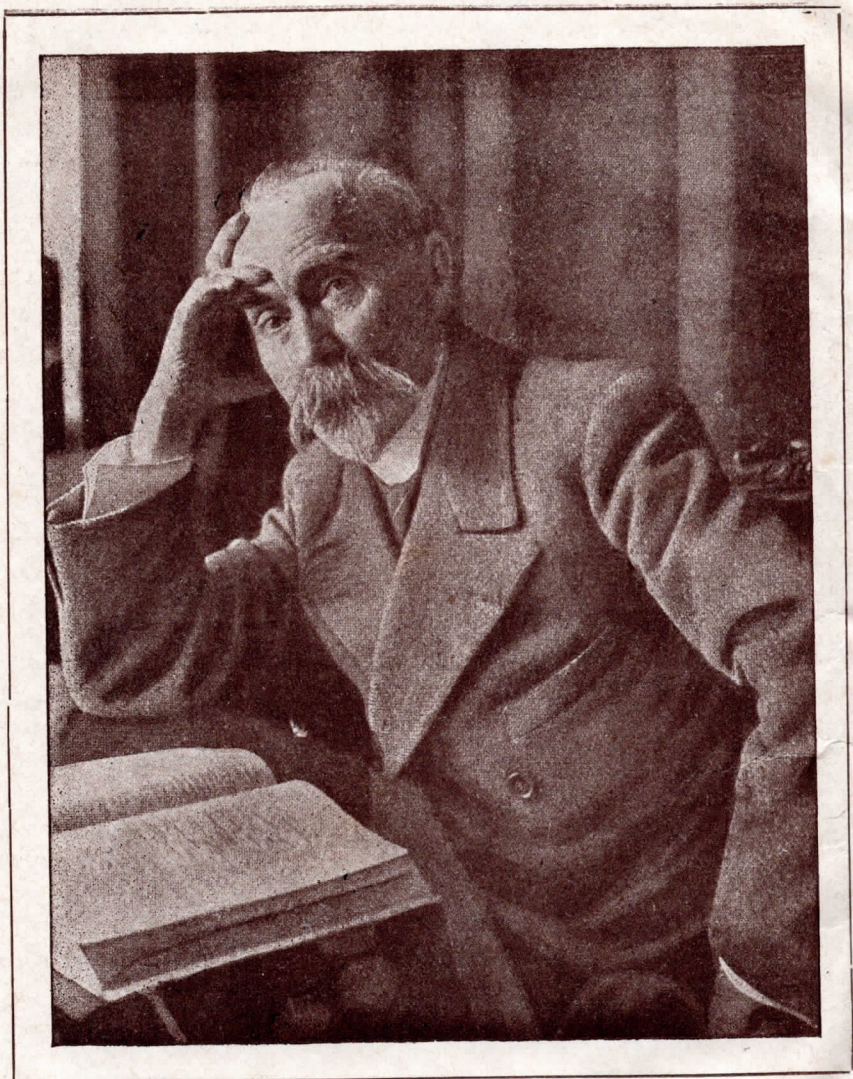
Г. В. ПЛЕХАНОВ

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ
МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА
НА ИСТОРИЮ**

издание под редакцией
— С. Я. ВОЛЬФСОНА —

Изд-во „белтрестпечать“
МИНСК
1923.

**Георгий Валентинович
ПЛЕХАНОВ**
(26 ноября 1856—30 мая 1918)

~~79126.~~

ПЗ
—
К-11

Н. Бельтов.

Дом Механова
№

К вопросу о развитии
МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА
=====**НА ИСТОРИЮ.**=====

Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К^о.

Audiatur et altera pars.

У ФИЛИАЛ

Издание под редакцией
С. Я. Вольфсона.

„БЕЛТРЕСПЕЧАТЬ“
Минск. — 1923 г.

Дом Механова
№ 2392

От редактора.

„К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ — одно из лучших произведений, вышедших из под пера Георгия Валентиновича Плеханова. Оно не только имеет огромное историческое значение в качестве памятника борьбы марксизма с народничеством на арене российской легальной журналистики, но является и исключительной ценности источником для изучения основных начал исторического материализма. Его отдельные страницы дают для понимания марксовой теории общественного развития значительно больше, нежели иные десятки и сотни страниц.

Однако, есть обстоятельство, которое затрудняет современному читателю, в особенности рабочему интеллигенту и учащемуся, пользование этим замечательным трудом. Это обстоятельство обусловлено формой работы, являющейся памфлетом, насквозь пропитанным страстной полемикой. Опыт показал, что эта форма мешает усвоению современным читателем того научного материала, который хранит в себе гениальный памфлет Плеханова.

Мне пришлось наблюдать, как десятки студентов, набрасываясь на книгу Плеханова, вскоре оставляли ее, заявляя, что из за деревьев им не видать лесу; в лучшем случае, прочитав ее до конца, они извлекали минимум научного материала.

Считая необходимым преодолеть это серьезное препятствие, ставшее на пути усвоения современным читателем этого классического произведения марксистской литературы, я пытался отделить в книге научный материал от полемических мест и уже в таком виде предлагал ее студентам. Многократно повторенный, опыт дал вполне удовлетворительные результаты.

Таким образом у меня возникла мысль, ныне реализованная Государственным трестом издательского дела Белоруссии: выпустить книгу Плеханова, изданной в соответствии с указанным опытом, т. е. напечатать ее двумя шрифтами—крупным и мелким.

Читатель, впервые приступающий к чтению произведения, может ограничиться лишь крупным шрифтом. Этого будет достаточно для того, чтобы он усвоил тот научный материал, который таится в работе Плеханова, и который обогатит его основными знаниями в области исторического материализма. Читатель же, который пожелает постичь историческую ценность выступления Плеханова, который пожелает изучить это мастерское выступление таким, каким оно вышло из-под пера автора, будет читать книгу целиком.

С той же целью—облегчить читателю доступ к книге—цитаты на иностранных языках приводятся в настоящем издании с русскими переводами. Кроме того, некоторые места снабжены пояснительными примечаниями, приведенными в конце книги под соответствующими номерами.

Книга выпускается с предисловием ко II-му изданию и тремя приложениями, которые ей обыкновенно сопутствуют. Насколько нам известно, за границей—в архиве Г. В.—недавно найдено новое предисловие „К вопросу о развитии“, до сих пор еще не опубликованное. Надо надеяться, что оно скоро делается достоянием русского читателя.

* * *

Девяностые годы минувшего столетия отмечены в летописях общественной мысли Западной Европы, как эпоха страстной научной дискуссии по вопросу о сущности исторического материализма. Представители академической науки ополчились к тому времени против материализма—народившейся философии пролетариата. Исторический материализм обвиняли в механичности, внутренних противоречиях, фата-

лизме, философской плоскости, квиэтизме, шаблонности, аморальности, метафизичности.. Направленные против исторического материализма выступления дали повод Карлу Каутскому, Францу Мерингу, Полю Лафаргу выступить с блестящими апологиеми исторического материализма, значительно обогатившими научную сокровищницу марксизма.

Дискуссия, которая велась вокруг исторического материализма, вызвала отклик и в России. В русских журналах 1892—4 годов появился ряд статей, „развенчивающих“ исторический материализм преимущественно аргументацией германских идеалистов. Н. К. Михайловский, проф. Кареев, Кудрин, Южаков и другие критики исторического материализма доказывали доктринерскую однобокость этой системы, ее догматическую односторонность, ее научную несостоятельность.

Ответом на все эти выступления—*audiat et altera pars*—послужила вышедшая в 1895 году книга Плеханова, до сих пор являющаяся классическим руководством по истории и теории диалектического материализма. Ставшая вехой в развитии русской общественной мысли, книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ оказала на умы современников влияние совершенно исключительное. По свидетельству Лядова, молодежь сплошными рядами покидала народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке*). Бельтов стал властителем дум поколения, которое Шелгунов назвал „молодежью будущего“. Книга Бельтова превратилась в „евангелие русской социал-демократии“, как ее назвал один из тех минутных сторонников исторического материализма, которые впоследствии „ему изменили и продали шпагу свою“, скатившись по пути „от марксизма к идеализму“ в пропасть мистицизма и реакции.

*) См. М. Лядов. Истории РСДРП. ч. 1.

Возникает вопрос, соответствовала ли ценность книги Плеханова той научной оценке, которую она встретила.

Одним из наиболее ценных моментов в книге Плеханова мы считаем обоснование правильного взгляда на сущность французского материализма XVIII века, в отношении которого до сих пор приходится сталкиваться с самыми запутанными представлениями. В девяностых же годах смешение диалектического материализма с французскими, приписывание первому слабых сторон второго, отсутствие ясного представления о грани, отделяющей философские взгляды Маркса и Энгельса от учения Гольбаха и Гельвеция было делом обычным. Плеханов четко и определенно провел эту грань, установил действительное отношение, существующее между диалектическим материализмом и французским—XVIII века, вскрыл противоречия и слабости последнего. Он показал, что материализм Маркса и Энгельса насквозь диалектичен в то время, как воззрения Гельвеция и Гольбаха пропитаны метафизикой, родясь таким образом с метафизическим идеализмом, вместе с которым они признают неизменность субстанции. Установив моменты, в которых диалектический материализм примыкает к французскому, являясь его продолжателем, Г. В. вместе с тем вскрыл роковые противоречия, в заколдованном кругу которых блуждала философская мысль Гельвеция, Гольбаха и их единомышленников, он обнаружил непоследовательность и логическую несостоятельность их системы, признававшей познаваемость свойств вещей и об'являвшей непознаваемой сущность материи. А Деборин вполне прав, говоря что Плеханов „первый представил французский материализм в его истинном свете“*)

Перейдем к следующим заслугам выступления Плеханова.

В семидесятых годах Н. К. Михайловский видел в историческом материализме „превосходно разрабо-

*) А. Деборин Введение в философию диалектического материализма. (Стр. Пгг. 1916.)

танный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования*). Впоследствии, изменив свое отношение к философскому учению Маркса, Михайловский выступил одним из наиболее страстных противников исторического материализма, обесценивая в глазах читающей публики его научную ценность. Михайловский доказывал, что, „экономический материализм не есть всеобъемлющая философская система, а только обломок ее, что самые основные теории экономического материализма... остаются между собой несвязанными и фактически непроверенными“ (**).

Плеханов своим выступлением „по печатному водю“ доказал необоснованность утверждения о несвязанности и непроверенности системы Маркса. „Положения исторического материализма не связаны между собой?“, вопрошал Плеханов,—стоит только прочесть предисловие к „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, чтобы видеть до какой степени стройно и тесно связаны они между собой“. Стоило, в самом деле, непосвященному читателю обратиться к тому знаменитому введению, на которое ссылался Плеханов, чтобы сразу установить наличность в нем тех самих обобщающих и неразрывно связанных между собой идей, которых тщетно искал у Маркса Михайловский.

Плеханов обнаружил ту жестокую ошибку, в которую впадают субъективисты, пытаясь разобщить экономические взгляды Маркса с его исторической теорией, признавая первые и отрицая вторую. „Этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов“. Считая экономические взгляды Маркса неотъемлемым спутником исторического материализма, Плеханов неоднократно доказывал то положение, которое Маркс формулировал словами: „Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства“

*) Отечественные записки 1877.

**) Русское Богатство 1894.

VIII

(„Нищета философии“). Плеханов опровергал и обвинение в непроверенности принципов исторического материализма. „Они проверены с помощью анализа общественных явлений и в книге „18-ое Брюмера“, и в „Капитале“...—решительно во всех главах от первой до последней“.

Научная ценность и общественный смысл выступления Плеханова должны были выразиться в том, чтобы выбить противников исторического материализма из тех идеалистических и суб'ективистских позиций, на которых они закрепились.

Со свойственным ему полемическим задором Плеханов дал в своей книге образ титулярной советницы, которая думает, что весь смысл теории Дарвина сводится к тому возмутительному положению, что вот дескать, она, почтенная чиновница, представляет собою не более, как наряженную в чепчик обезьяну. Плеханов ставил своей целью доказать, что „Маркс так же мало клеветает на „интеллигентов“ как Дарвин—на титулярных советниц“.

Следует признать, что при всей каррикатурности приведенного образа он в общем отражал отношение к историческому материализму некоторой части буржуазной и народнической публицистики. Последняя давала лишнее доказательство словам Меринга о том, что современное буржуазное общество стоит в том же отношении к материализму, в каком оно раньше находилось к дарвинизму, рассматривавшемуся как „обезьянья теория“. отождествление материализма со шкурничеством было в девяностых годах ходячим упреком по адресу материалистов иногда не только в обывательской среде...

Указывая, что материалисты сообразуют свои идеалы с экономической действительностью, Плеханов разоблачает суб'ективистов, в силу своей склонности к метафизике, не понимающих двойственного, антагонистического характера всякой действительности. Материалисты опираются не на отживающую действительность, а на ту, которая приходит ей на смену—„действительность будущего, служить кото-

рому значит содействовать торжеству великого дела любви“. Нельзя говорить о том, что материалисты не придают никакого значения идеалам. Если говорить в смысле „идеалов“, заявлял Плеханов, теория Маркса есть самая идеалистическая теория, которая когда—либо существовала в истории человеческой мысли.

Противники исторического материализма считали (да и теперь, пожалуй, считают) ахиллесовой пятой этого учения его „однбокость“, „односторонность“—то, что оно является всеобъемлющей и потому „хромающей“ теорией, утрирующей одни и затушевывающей другие элементы общественного развития. Корректируя эту мнимую односторонность исторического материализма, его противники занимали „нейтральное положение“ между материализмом и идеализмом, доказывая, что „... и психологическое, и экономическое направления истории одинаково верны, поскольку они... дополняют друг друга“ *).

Плеханов взял на себя задачу доказать, что всякая попытка синтеза идеалистической и материалистической точек зрения приведет не к открытию „полной истины“, которую искала субъективная социологическая школа, а к „нищенской похлебке эклектизма“. Он установил в своей работе, что дуалистические системы, для которых дух и материя являются взаимно дополняющими субстанциями, не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения исторического процесса. Поэтому он звал к объяснению явлений помощью одного основного принципа—к монизму.

Для субъективно-социологической школы объяснение общественного процесса духовным началом было тезисом, рассмотрение его с экономической точки зрения—антитезисом и потому она звала к третьему моменту, в котором „односторонности тезиса и антитезы найдут свое примерение“. „Соблюдая

*) Н. Кареев. Критика экономического материализма.

нейтралитет“ между душой и телом, суб’ективисты отыскивали синтез в примирении идеализма с материализмом.

Плеханов обнаружил что „синтез“ суб’ективистов ведет к дуализму чистейшей воды. „У него“, говорит Плеханов о Карееве, „тут—экономия; там—психология; в одном кармане—душа, в другом—тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности“ Дуализму социологической школы Плеханов противопоставил монизм марксизма. Он указывал, что у Маркса психология и экономия являются двумя сторонами одного явления—борьбы за существование, в процессе которой происходит определенная общественная группировка, обуславливаемая состоянием производительных сил. Плеханов исчерпывающе раз’ясняет, как следует понимать *primum agens* исторического материализма—экономику. Вот что он говорит по этому поводу.

— Борьба за существование создает их (людей... С. В.) экономию, на ее же почве вырастает и их психология... Экономия сама есть нечто производное, как и психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою новую экономическую структуру, равно как и психологию, новый „дух“ времени“... Далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, функция производительных сил.

Развитие общественного процесса Плеханов мыслит таким образом. На кривой линии исторического развития существуют точки великих переворотов; эти точки А, В, С, Д и т. д. Когда экономическое развитие достигает точки А, торжествует один класс; когда оно доходит до точки В, класс прежде господствовавший, вынужден уступить свое место новому классу и т. д.—до тех пор пока общественное развитие не достигнет конечной точки С, на которой исчезнет самое деление общества на классы. Движе-

ние человечества от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д., вплоть до точки S никогда не совершается в плоскости одной экономики. Чтоб перейти от точки А до точки В и т. д. нужно каждый раз подняться в „надстройку“ и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки. Путь от одной точки поворота к другой лежит чрез „надстройку“*).

Плеханов неоднократно подчеркивает, что экономические отношения не являются застывшим метафизическим понятием. „Они вечно изменяются под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество“. Выясняя законосообразность общественного процесса, Плеханов впоследствии (в „Основных вопросах марксизма“) развернул формулу, выясняющую взаимодействие между производительными силами и общественной экономией, вместе с тем взаимодействие между экономической „основой“ и идеологической „надстройкой“. Опровергая обвинение исторического материализма в фетишизировании им экономического фактора и игнорировании всех остальных факторов общественного развития, Плеханов развертывает следующую пятичленную формулу отношения „основания“ к „надстройке“.

1. Состояние производительных сил.
2. Обусловленные ими экономические отношения.
3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической основе.
4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.
5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики**).

Плеханов вполне прав, говоря, что приведенная формула и достаточно широка, чтобы вместить в себе все формы общественного развития, и в то же время насквозь пропитана материалистическим материализмом.

*) См. открытое письмо к В. А. Гольцеву. „За двадцать лет“ Изд. 3-ье СПб. 1908. стр. 440.

***) Основные вопросы марксизма С. П. Б. 1917 г. стр. 96.

Туманному, почти метафизическому понятию взаимодействия „души“ и „тела“, Плеханов противоставил ясную и определенную формулу, находившуюся в строгом соответствии со взглядами Маркса, всегда признававшего в общественном процессе действие „духа“, как силы в конечном счете направляемой экономикой. Обоснование и популяризация этой формулы явились делом сугубой важности; надо помнить, что в то время „узость“ и „односторонность“ диалектического материализма были излюбленной мишенью для его критиков. Своим выступлением Плеханов обесценил все те „примирительные“ — эклектические теории, которые признавали самостоятельность многочисленных элементов общественного развития, мыслимых находящимися во взаимодействии.

Если „односторонность“ была одним из ходячих упреков, направлявшихся против диалектического материализма, то другим из них был „фатализм“. По какой-то злой иронии самому действительному из философских учений ставилось в вину, что оно влечет за собой гражданский индифферентизм и квиетизм. Плеханов блестяще выяснил, как противники диалектического материализма приписывают ему свойства материализма метафизического, которому, действительно, присущ фаталистический характер. Материализм диалектический — не философия фатализма и пассивности, а философия действия и активности. Плеханов установил всю несостоятельность обвинения диалектического материализма в том, что он признает слепое подчинение необходимости. Диалектический материализм дает в руки угнетенных классов рычаг в борьбе с экономической действительностью. Никакое изменение в общественных отношениях немислимо без участия масс. Необходимость участия масс в историческом процессе обусловливает влияние на них более развитых и более нравственных личностей. „Таким образом открывается широкий простор для плодотворной деятельности отдельных личностей, и если между этими личностями нашлись бы такие, которые превратились бы

XIII

в Обломовых под влиянием экономического материализма, то в этом надо было бы винить не экономический материализм, а именно эти личности*“).

„Уничтожающее презрение и холодная жестокость“, с которой, по мнению Михайловского, материализм относится к личности, были опровергнуты Плехановым. Диалектический материализм отнюдь не требует слепого подчинения железному экономическому закону. Он старается познать этот закон и, познав его, сделать необходимость послушной работой разума.

„Я—червь, говорит идеалист. Я—червь, пока невежественен, возражает материалист—диалектик, но я бог, когда я знаю. *Tantum possumus, quantum scimus*“.

Человеческий разум не творит истории; он сам является ее продуктом. Но раз явившись, как следствие исторического процесса, он старается преобразовать жизнь, т. е. направить течение истории по тому руслу, которое считает более желательным.

Развитие разума общественного человека можно объяснить, с точки зрения исторического материализма, лишь посредством законосообразной деятельности людей в общественно-производительном процессе т. е. действия. К действию же сводится вся практическая философия диалектического материализма. „Диалектический материализм есть философия действия“, провозгласил Плеханов своей книгой. Призывая сторонников диалектического материализма к действию, заявляя, что „не следует оставлять светильника в тесном кабинете интеллигенции“, Плеханов говорил:

— Пока существуют „герои“, воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам се-

*) Из открытого письма к В. А. Гольцеву. За двадцать лет изд. 3-е СПб. 1908. Стр. 438.

мимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа“ станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе“ разовьется соответствующее этому самосознание.

„Надо разбудить в толпе героическое самосознание“, провозгласила книга Бельтова в эпоху жалкого крохоборчества и хмурых чеховских человечков. Она выявила в новом, революционном свете все основные моменты диалектического материализма, показала, что последний, говоря словами Франца Меринга, не пассивная игрушка мертвого механизма, а живая действенная сила, призванная преобразовать мир.

Предрассудки о „механичности“ и „квиетизме“ исторического материализма были опровергнуты Плехановым с такой же последовательностью и неуязвимостью, как, раньше мнения о его „узости“ и „односторонности“.

Эта крупная заслуга Плеханова станет еще более рельефной, если сравнить его выступление с другим, почти одновременным, в защиту исторического материализма—П. Б. Струве*). В книге Плеханова выступили во весь свой рост те моменты активности и действительности диалектического материализма, которые были затушеваны в „Критических записках“ Струве. Если в струвевских „Записках“ можно было заметить зародыши будущего ревизионизма их автора, то в плехановском „К вопросу о развитии“ чувствовалось величие духовного наследия Маркса—Энгельса.

Вполне понятно, что выступление Плеханова, действовавшего согласно своему любимому полемическому правилу—„От обороны к нападению“, вызвало целую кампанию со стороны противников диалектического материализма, пытавшихся обесценить научную и общественную ценность этого выступления.

Следует признать, что во всех выступлениях оппонентов Плеханова, следовавших в течение 1895

*) Петр Струве. Критические заметки. 1894,

года и продолжавшихся много лет подряд, не было ни одного довода против диалектического материализма, который не приводился бы ими раньше или не был заимствован у западно-европейских критиков марксизма. Выступая против „догматического увлечения“ Плеханова диалектическим материализмом, его противники подымались на „высоты об'ективной истины“, с которых и старались изобличить Плеханова в той или иной ошибке, неправильной цитате, логическом промахе, противоречии Марксу. Однако, ни одно из этих выступлений, а их было множество, не в состоянии было опровергнуть того генезиса диалектического материализма, который дал Плеханов, поколебать той аргументации, которая была им развернута.

Один из главнейших оппонентов Плеханова Н. Н. Кареев признал относительно выступления другого из них—Н. К. Михайловского, что оно „дает очень много материала для критики книги г. Бельтова, его научных и полемических приемов, но очень мало касается самых основ экономического материализма“. Эти слова можно было применить ко всем почти выступлениям, последовавшим в ответ на книгу Плеханова, в том числе и к выступлениям профессора Кареева. Они все „очень мало“ касались тех основ марксова материализма, которые защищал Плеханов, и еще меньше эти основы поколебали. Кареев был вполне прав, заявив в той же статье, что он не думает, „чтобы вся эта критика экономического материализма могла в скором времени положить конец догматическому увлечению этой идеологической концепцией“...

Подытоживая значение выступления Плеханова, можно отметить следующие моменты, в которых выявилась ценность „К вопросу о развитии монистического взгляда“:

1. Генезис идей диалектического материализма.

2. Отмежевание диалектического материализма от диалектического идеализма и метафизического материализма; вскрытие слабых сторон последнего.

3. Обоснование того положения, что диалектический материализм—не обломок левого гегельянства, а цельная научная теория.

4. Опровержение „односторонности“ диалектического материализма.

5. Подход к диалектическому материализму, как—философии действия.

6. Формула практического применения принципов диалектического материализма к русской действительности.

7. Демонстрация диалектического материализма, как универсального метода исследования общественных явлений.

С. Вольфсон.

Минск, 20 марта 1923 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редактора	III—XVI
Предисловие ко второму изданию	1
Глава I. Французский материализм XVIII века	3
„ II. Французские историки времен реставрации	15
„ III. Социалисты утописты	32
„ IV. Идеалистическая немецкая философия.	65
„ V. Современный материализм	109
Заключение	231
<i>Приложение I.</i> Еще раз г. Михайловский, еще раз триада.	256
<i>Приложение II.</i> Несколько слов нашим противникам	262
<i>Приложение III.</i> Нечто об истории	293
Примечания редактора	I—XLVI

Л. МО
1 1 3